

О ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО «ХОЗЯЙКА»

Повесть «Хозяйка» была напечатана в журнале «Отечественные записки» за 1847 г. в № 10 и № 12 (ценз. разр. — 30 сентября и 30 ноября 1847 г.) Работа над ней была начата в конце 1846 г. В конце октября (около 20-го числа)¹ Достоевский сообщал брату: «Теперь более оригинальные, живые и светлые мысли просятся из меня на бумагу (..). Я пишу другую повесть, и работа идет, как некогда в „Бедных людях“, свежо, легко и успешно. Назначаю ее Краевскому» (28₁, 131). В следующем письме, от 26 ноября, Достоевский восклицает. «. работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца, которое еще никогда так не дрожало и не двигалось у меня, как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются в душе моей» (28₁, 135). «Тон этого признания, близкий к стилю „Хозяйки“, — пишет Г. М. Фридендер, — делает возможным предположение, что речь идет об этой повести». Впервые об этом написал А. С. Долинин в примечании к письму Достоевского,² основываясь на объявлении журнала «Отечественные записки» на 1847 г., где упоминается повесть Достоевского под названием «Хозяйка».³ О том, насколько увлечен был Достоевский новой работой, говорит его письмо к брату от января—первой половины февраля 1847 г.:⁴ «Я пишу мою „Хозяйку“. Уже выходит лучше „Бедных людей“. Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души» (28₁, 139—140). Об окончании повести Достоевский сообщил ему 9 сентября 1847 г. (28₁, 143).

Название повести, скорее всего, было связано с социальной характеристикой героини. В повести «Белые ночи» герой-«мечтатель» сообщает о своей замкнутой жизни: «...я встречал двух-трех женщин, но какие они женщины? это все такие хозяйки, что.. »; отвечая ему, Настенька говорит: «. почему вы узнали, что я такая женщина ( ) которую вы считали достойной. . внимания и дружбы... одним словом, не хозяйка, как вы называете» (2, 107, 108).⁵ По за-

¹ О датировке письма см. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского* В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 123.

² *Достоевский Ф. М. Письма* М., Л., 1928. Т. 1. С. 494.

³ См. *Отечественные записки* 1846. № 12. Отд. VI. С. 120 (выход из печати — 1 декабря 1846 г.).

⁴ Датировку письма см. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского* Т. 1. С. 129.

⁵ Предположение о возможном соотношении названия повести Достоевского со стихом из «Евгения Онегина» Пушкина высказано в изд. *Якубович И. Д. Проблема человеческой свободы в «Хозяйке» Достоевского и «Грозе» А. Н. Ос-*

мечанию П В Анненкова, в 1848 г «добрая часть повестей ( ) открывается описанием найма квартиры — этого трудного условия петербургской жизни — и потом переходит к пересчету жильцов, начиная с дворника»⁶ В «Хозяйке» сохранены композиционные особенности «петербургской» повести, которая по законам жанра насыщалась описательным материалом столичной «физиологии»⁷ Для Достоевского важна и еще одна деталь социального характера, относящаяся к другому герою повести — это «прадедовское наследие», которое свидетельствует о принадлежности Ордынова, влюбившегося в «хозяйку», к старинному дворянскому роду (1, 265)

«Обращение Достоевского к образу „мечтателя“, — пишет Г М Фридендер, — вводило его повесть в русло романтической традиции, давшей ряд вариантов этого образа (Гофман,⁸ Жорж Санд, в России — «Невский проспект» Гоголя, повести Н А Полевого, М П Погодина, А Ф Вельтмана, В Ф Одоевского, ср также роман М И Воскресенского «Мечтатель» (М, 1841 Ч 1—4))» (1, 509)⁹

тровского (Две Катерины) // Достоевский Материалы и исследования СПб, 1997 Т 14 С 110 (ср «Мой идеал теперь — хозяйка » («Отрывки из Путешествия Онегина») — «Я пишу мою „Хозяйку“» (письмо к брату от января—первой половины февраля 1847 г))

⁶ Современник 1849 Т 13 № 1 Отд III С 10

⁷ См Чистова И С Прозаический отрывок М Ю Лермонтова «(Штосс)» и «натуральная» повесть 1840-х годов // Русская литература 1978 № 1 С 116—122, Порошенков Е П Традиции М Ю Лермонтова в творчестве Ф М Достоевского (повести «(Штосс)» и «Хозяйка») // М Ю Лермонтов Вопросы традиций и новаторства Рязань, 1983 С 78—86 Здесь и далее в примечаниях мы указываем главным образом на работы, вышедшие после академического издания Достоевского

⁸ По мнению А Б Ботниковой, «Хозяйка» — это наиболее «гофмановское» произведение Достоевского (Ботникова А Б Э Т А Гофман и русская литература (первая половина XIX века) К проблеме русско-немецких литературных связей Воронеж, 1977 С 175) О гофмановских мотивах в «Хозяйке» Достоевского см также Бем А Л Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) // О Достоевском Прага, 1929 Вып 1 С 114—116 (перепечатано Бем А Л Исследования Письма о литературе М, 2001 С 312—316), *Passage Ch E Dostoevski the adaptei A study in Dostoevski's use of the tales of Hoffmann Chapel Hill, 1954 P 41—62* В указанных работах в связи с «Хозяйкой» упоминаются такие произведения Гофмана, как «Золотой горшок», «Песочный человек», «Артусова зала», «Ошибки — тайны», «Магнетизер», «Зловещий гость» См также Ипатова С А Достоевский и повесть Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (К теме «мечтательства») // Достоевский Материалы и исследования СПб, 2005 Т 17 С 191—195

⁹ В Полном собрании сочинений (1, 509) было указано на возможную зависимость «Хозяйки» Достоевского от повести под тем же названием Е В Кологривовой, опубликованной в 1843 г в «Библиотеке для чтения» (псевдоним Ф Фан-Дим) Сопоставительный анализ, однако, позволил заключить, что здесь «надо говорить не о зависимости, а о совпадении названий» этих повестей

В этом ряду забыто имя А. А. Бестужева (Марлинского),¹⁰ которого, как считал Белинский, Достоевский «подболтал» к своей «Хозяйке» После выхода академического издания появился ряд работ, подчеркивающих реалистические черты «Хозяйки» Достоевского Например, П. Ф. Маркин отмечал: «... идейный смысл образа Ордынова состоит не в изображении пафоса романтического созидания, а в критике беспочвенности и несостоятельности его романтических мечтаний Этим объясняется неформальность и экспрессивность стиля повести, точно передающего трагические коллизии сознания героя»¹¹

В академическом комментарии указывается «Герой „Хозяйки“ Ордынов — „художник в науке“, по авторскому определению, — уединившись, работает над созданием оригинальной „системы“, отмеченной „истиной“ и „самобытностью“. Характер этой „системы“ в повести не разъясняется. Но на последних страницах автор пишет, что сочинение Ордынова относилось к „истории церкви“ и что после пережитого им душевного кризиса герой „отверг идею свою“ и, „не построив ничего на развалинах“, „просил исцеления у Бога“. Если вспомнить, что термин „система“ в 1840-е годы обычно ассоциировался с системами утопического социализма и что в сочинениях таких передовых мыслителей этой эпохи, как Л. Фейербах, Д. Ф. Штраус, Б. Бауэр, критика христианских верований излагалась формально в связи с „историей церкви“, возникает весьма вероятное предположение, что в лице Ордынова Достоевский стремился нарисовать образ человека, идейные искания которого были близки собственным социальным и моральным исканиям писателя в период его увлечения утопическим социализмом 1840-х годов» (1, 508). Имена философов, которые названы здесь, взяты из мемуаров и показаний петрашевцев Что же касается слова «система», то после работ В. Л. Комаровича¹²

(Якубович И. Д. Проблема человеческой свободы в «Хозяйке» Достоевского и «Грозе» А. Н. Островского С 110, 111—112)

¹⁰ См. о нем Порошенков Е. П. Язык и стиль повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та М., 1968. Т. 288. С. 188—189, 191, 194—198, Ануфриев Г. Н. «Хозяйка» Достоевского и «Страшное гаданье» Марлинского (К проблеме «Достоевский и романтизм») // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX в. Л., 1974. С. 58—67, Маркин П. Ф. Повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1983. С. 64—68.

¹¹ См. Маркин П. Ф. Повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка» С. 59, см. также Захаров В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание. Петрозаводск, 1974. С. 113—115, Leatherbarrow W. J. Dostoevsky's treatment of the theme of romantic dreaming in «Khozyayka» and «Belyye Nochi» // Modern Language Rev. 1974. July. № 3. P. 592.

¹² См. Комарович В. Л. 1) Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 3—43, 2) «Мировая гармония» Достоевского // Атеней. Историко-литературный временник. 1924. Кн. 1—2. С. 112—142.

и В. Е. Ветловской,¹³ связанных с увлечением молодого Достоевского христианским социализмом, едва ли уместно другое его понимание по-видимому, действительно речь должна была идти об истории церкви в духе христианского социализма. Это, однако, не исключает вопрос о степени критичности той церковной истории, которая, по замыслу Достоевского, могла выйти из-под пера Ордынова.

Прежде всего следует сказать о предназначении этого труда Достоевский указывает, что Ордынов начал писать его «года три назад, получив свою ученую степень и став по возможности свободным» (1, 264). Речь, вероятнее всего, идет о степени кандидата, присваивавшейся лишь немногим выпускникам университетов за написанную ими научную работу (кандидат университета — это первая научная степень в России того времени). Можно предположить, что свобода потребовалась Ордынову для написания магистерской диссертации, которая открывала возможность для дальнейшей преподавательской деятельности (см. упоминание о «создании», т. е. сочинении, Ордынова, на котором он «(по молодости своей) в нетворческие минуты строил самые вещественные надежды» (1, 318)).

Достоевский пишет о своем герое: «Он сам создавал себе систему, она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу, он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее творчество уже сказывалось силам его, оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть, очень далек, может быть, совсем невозможен!» (1, 266). Характеристика «системы» Ордынова указывала на ее связь с учением Фурье, соединявшим религиозный идеал с утопической концепцией социального строя. В показании Следственной комиссии по делу петрашевцев Достоевский писал: «Фурьеризм — система мирная, она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своею стройностью» (18, 133). Сам Достоевский вспоминал в 1873 г. в «Дневнике писателя», что в 1840-х гг. социалистическое учение воспринималось «в самом розовом и райско-нравственном свете ( ) зарождающийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились,

---

¹³ См. Ветловская В. Е. 1) Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский // Христианство и русская литература. СПб. 1994. С. 224—269, 2) Фольклорно-христианские мотивы раннего творчества Ф. М. Достоевского // Средневековая и новая Россия. СПб. 1996. С. 571—592.

казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими...» (21, 130). О том, что фурьеризм «неудобен для нашей почвы» и что русского «фурьериста» следует характеризовать словом «несчастный, а не виновный человек» (18, 134), Достоевский говорил на следствии в 1849 г. В повести «Хозяйка» мысль писателя о чуждости западной доктрины основам русского национального бытия получила тщательное художественное осмысление. По-видимому, этот элемент художественного воплощения замысла вызвал у Белинского негативное отношение к повести и резкое осуждение ее.

В комментарии к «Хозяйке» отмечалось, что Ордынов имеет сходство с другом юности Достоевского И. Н. Шидловским (1816—1872). По сообщению Л. В. Шидловской известно, что после отъезда из Петербурга в 1839 г. Шидловский «занимался какой-то большой работой и говорил, что готовит Историю Русской Церкви».¹⁴ В 1850-х гг. Шидловский поступил в монастырь, но вскоре «вернулся домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника. (. . .) Глубоко нравственное чувство Ив(ана) Ник(олаеви)ча стояло нередко в противоречии с некоторыми странными поступками. искренняя вера и религиозность сменялись временным скептицизмом и отрицанием».¹⁵ Дружба с Шидловским оставила глубокий след в памяти Достоевского: в подготовительных материалах к роману «Идиот» встречается отнесение к герою его имени и отчества (9, 465); несколько позднее Достоевский в разговоре с Вл. С. Соловьевым объяснял свою симпатию к нему тем, что он похож на Шидловского.¹⁶ М. П. Алексеев видел в Ордынове и соответственно в Шидловском далеко «не единственный пример русского романтика, обратившегося на путь религиозных исканий» в «момент несомненного религиозного подъема и возбуждения», начавшегося в России в 1830-х гг.;¹⁷ о приметах следующего десятилетия, отразившихся в «Хозяйке», с характерными для него проявлениями интереса к историко-церковной проблематике, писала О. Г. Дилакторская.¹⁸ Относительно направленности изложения церковной истории в труде Ордынова высказывались различные соображения. С одной стороны, утверждалось, что «история церкви, которую писал Ордынов, носила позитивистский и, может быть, даже атеистический характер. Крушение, поражение привело „сла-

---

¹⁴ Напечатано в *Алексеев М. П. Ранний друг Ф. М. Достоевского* Одесса, 1921 С 5—6

¹⁵ Там же С 6, подробнее см. *Решетов Н. П. Люди и дела давно минувших дней // Русский архив 1886 № 10 С 226—232*

¹⁶ См. *Достоевская А. Г. Воспоминания* М., 1971 С 277

¹⁷ *Алексеев М. П. Ранний друг Ф. М. Достоевского* С 8, 9

¹⁸ См. *Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского* СПб., 1999 С 23—36

бое сердце“ Ордынова на церковную паперть, в объятия младенческой веры, от которой он было ушел в дни расцвета своего недолгого свободолюбия и своеволия»¹⁹ Более убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые видели косвенное отражение научной «системы» Ордынова в пронизанных идеей «всеобщего единения, братания и любви» диалогах его с Катериной и авторских отступлениях²⁰ Труд мечтателя-утописта терпит фиаско, соприкасаясь со стихией народной жизни «Поражение Ордынова, страстно мечтавшего изменить мир и положить на создание своей системы все силы, символически воплощает мысль писателя о чуждости, несовместимости западных социальных теорий с вековыми основами русского бытия»²¹

Особого разговора заслуживает сон Ордынова, вызвавший большой отклик в психоаналитической литературе «Но тут вдруг стало являться одно существо, которое смущало его каким-то недетским ужасом, которое вливало первый медленный яд горя и слез в его жизнь, он смутно чувствовал, как неведомый старик держит во власти своей все его грядущие годы, и, трепеща, не мог он отвести от него глаз своих Злой старик за ним следовал всюду Он выглядывал и обманчиво кивал ему головою из-под каждого куста в роще, смеялся и дразнил его, воплощался в каждую куклу ребенка, гримасничая и хохоча в руках его, как злой, скверный гном, он подбивал на него каждого из его бесчеловечных школьных товарищей или, садясь с малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывал из-под каждой буквы его грамматики Потом, во время сна, злой старик сиделся у его изголовья Он отогнал рой светлых духов, шелестевших своими золотыми и сапфирными крыльями кругом его колыбели, отвел от него навсегда его бедную мать и стал по целым ночам нашептывать ему длинную, дивную сказку, невнятную для сердца дитяти, но терзавшую, волновавшую его ужасом и недетскою страстью Но злой старик не слушал его рыданий и просьб и все продолжал ему говорить, покамест он не впал в оцепенение, в беспмятство» (1, 278—279) В «злом старике» этого сна последователи З. Фрейда увидели воплощение образа М. А. Достоевского, отца писателя²²

---

¹⁹ Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859). М., 1960. С. 304.

²⁰ См. Аврамец И. А. Повесть «Хозяйка» и последующее творчество Достоевского // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та Тарту, 1982. Вып. 604. Труды по рус. и слав. филологии. С. 82.

²¹ Седельникова О. В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 70.

²² Впервые Розенталь Т. К. Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 99—101.

А. Л. Бем указал на связь «злого старика» с образом Мурина, «отчетливо впитавшим в себя сгущенную атмосферу враждебных отношений к отцу».²³ В образе «злого старика», выглядывавшего в сне Ордынова «из-под каждой буквы его грамматики» и отстранившего от него мать и с ней «рой светлых духов», угадывается будущая всепоглощающая страсть героя к науке («Наука иных ловких людей — капитал в руках; страсть Ордынова была обращенным на него же оружием» (1, 265)); «злой старик» завладевает вниманием героя и начинает нашептывать ему свою «сказку»: «Это не болезненный бред и кошмарные видения героя, а нескончаемая работа его усиленно мыслящего сознания. (...) Старик, явившийся мальчику, — это разбуженный демон теоретизированного познания, оторванного от реальной человеческой практики, а потому бессмысленного в своем конечном развитии..».²⁴

О состоянии, переживаемом Ордыновым в конце повести, Достоевский пишет: «...что-то похожее на мистицизм, на предопределение и таинственность начало проникать в его душу. Несчастный чувствовал страдания свои и просил исцеления у Бога. Работница немца, из русских, старуха богомольная, с наслаждением рассказывала, как молится ее смиренный жилец и каким образом по целым часам лежит он, словно бездыханный, на церковном помосте...» (1, 318). Любопытно сопоставить оценки этого состояния героя разными исследователями. По мнению В. Я. Кирпотина, «Ордынов пал, опустился, уподобился суеверной бабе. Описание опустошенности Ордынова является весьма знаменательным. Оно позволяет (...) уяснить эволюцию идей, через которую Достоевский счел нужным провести своего героя. Одичание привело Ордынова к мистицизму, к вере в Бога и в предопределение. Вера явилась результатом отказа от прежней идеи, от прежних горячих убеждений».²⁵ Иную, более верную оценку находим в работе А. П. Власкина, который считает, что в «Хозяйке» Достоевский впервые «открыто выходит на простор религиозной тематики», предопределяя свои будущие образные решения « в религиозном опыте самых дорогих ему героев писатель неизменно будет акцентировать именно светлые тона благодати, интимно радостного приятия Божьего мира и Божьей воли через молитву»²⁶

Все три героя «Хозяйки» (Ордынов, Катерина, Мурин) отличаются ярко выраженной религиозностью, причем неясного происхождения. Как не выражена автором до конца идея «истории церкви», ко-

---

²³ Бем А. Л. Исследования Письма о литературе С 302

²⁴ Маркин П. Ф. Повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка» С 59

²⁵ Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский С 304

²⁶ Власкин А. П. Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура Челябинск, Магнитогорск, 1994 С 37

торая владеет Ордыновым, так неясна и наполненность религиозных верований Мурина с Катериной. Г. М. Фридлиндер назвал Мурина «купцом-старообрядцем» (1, 508), однако для этого нет достаточных оснований. В повести он представлен как усердный прихожанин церкви иконы Владимирской Божьей Матери, хорошо знакомый служителю в ней.²⁷ Тем не менее в нем есть что-то весьма странное с церковной точки зрения. Вот, например, что говорит Достоевский о поведении Мурина и Катерины в церкви в тот момент, когда их впервые видит Ордынов «Старик взял конец покрыва, висевшего у подножия иконы, и накрыл ее голову» (1, 268) Скорее всего, речь идет о красивом вышитом полотенце (рушнике), которое вешается на поручне под иконой для ухода за ней (иконы протираются в церкви только полотенцем и никогда для этого не используется какая-либо ветошь или тряпица, даже самая чистая). Наименование его «покрывом» связано с широко известной праздничной иконой Покрова Богородицы, на которой Она держит в руках длинное, похожее на полотенце полотнище (покрыв). То, что Мурин накрывает голову Катерины висевшим у иконы рушником, связано, вероятнее всего, с каким-то вышедшим из церковного обихода местным обычаем, напоминающим отпущение грехов на исповеди.²⁸ Остается, однако, непонятно, что видел в этом жесте Достоевский: общепринятый обиход или же — отклонение от него?

По замыслу Достоевского, образ Мурина должен открываться через Катерину. Для Ордынова их отношения — тайное тайных. Вот Катерина призывает Ордынова во время их первого свидания. «...будем жить, как брат и сестра» (1, 276). То же, но уже подробнее она говорит во время второго свидания: «Спознай сестрицу! Недаром же мы братались с тобой, недаром же я за тебя Богородицу слезно молила! другой такой не нажать тебе! Мир изойдешь кругом, поднебесную узнаешь — не найти тебе другой такой любви, коли любви твое сердце просит. <...> да жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу ж возьми, и сам будь мне брат» (1, 291). По мнению ряда исследователей, стремление Катерины к «братанию» с Ордыновым обличает ее (и Мурина) причастность к какой-то секте, хлыстовской или скопческой, и отвечает воззрени-

---

²⁷ О Г Дилакторская определила место, где происходит встреча героев повести — это церковь иконы Владимирской Божьей Матери на Владимирской площади, к которой можно было пройти «длинным», как говорит Достоевский, Кузнечным переулком. Далее, при выходе героев из церкви, упоминается «большая, широкая улица <...>, которая вела прямо к заставе», — это Загородный проспект (см. *Дилакторская О Г Петербургская повесть Достоевского* С 18—20)

²⁸ Ср. «Мучитель <...> отпускает грехи своей жертве» (*Ветловская В Е Фольклорно-христианские мотивы раннего творчества Ф М Достоевского* С 584)

на брак и отношения полов²⁹ Между тем преломление того же мотива мы находим в мечтаниях Настеньки, героини повести «Белые ночи» «Послушайте, зачем мы все не так, как бы братья с братьями?» (2, 128, см также 2, 109, 120) Это говорит о том, что мечтание женщины о братских отношениях с мужчиной не было связано с мыслью Достоевского о сектантском мировоззрении Тема «братания» двух любящих существ предваряет в «Хозяйке» любимую сказку Катерины, рисуящую привычный для нее фантастический мир³⁰ Поскольку в рассказе о себе, который она сообщает Ордынову, со словами «любушка-сестрица» к ней обращается и другой персонаж повести, молодой купец Алеша (1, 300), можно предположить, что эта тема служит раскрытию в повести образа именно Катерины, тоскующей по равенству и любви под властью своего мужа Отношения «брат—сестра» предполагают в первую очередь бескорыстие, и это то, что могли бы дать Катерине и Алеша, и Ордынов, но не Мурин, использующий ее болезнь и, сравнительно с собой, молодую неопытность, слабость для того, чтобы удержать при себе Показательно, что для Мурина глубоко антипатичны отношения «брат—сестра», которые он видит в обращении Ордынова к Катерине («Ишь вы, побратались, единоутробные!» (1, 304)) Мурин — подлинный господин Катерины, властвующий над ней силу своей страсти он не скрывает, и именно она в конце концов вновь покоряет ему Катерину Мир, в котором остается Катерина, не вмещает отношения к ней как

---

²⁹ См *Истомин К К* Из жизни и творчества Достоевского в молодости // *Творческий путь Достоевского* Л, 1924 С 33—39, *Волгин И Л* «Родиться в России» Достоевский и современники Жизнь в документах М, 1991 С 265, *Дилакторская О Г* Петербургская повесть Достоевского С 49

³⁰ Пересказ волшебного-сказочного сюжета, известного под названием «Мертвая царевна» («Спящая царевна»), см Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка / Сост Л Г Бараг, И П Березовский, К П Кабашников, Н В Новиков Л, 1979 С 179 Поскольку братья в популярной сказке были разбойниками, рассказ Катерины, возможно, намекает Ордынову на ее причастность «к „разбойничьим“ ватагам волжской вольницы» (см *Владимирцев В П* Дополнения к комментарию Беглые фольклорные цитаты // *Достоевский Материалы и исследования* СПб, 1992 Т 10 С 140) Фольклорно-сказочные элементы использованы Достоевским также и в рассказе Катерины о побеге с Муриным (см *Дилакторская О Г* Петербургская повесть Достоевского С 66—67) Любопытна еще одна фольклорная параллель к тексту Достоевского «образам не молится, — говорит Катерина о Мурине, — хозяевам не кланяется» (1, 295) — ср в былинке «Калин-царь» из Сборника Кириши Данилова «Бежит он во гридню во светлую, / А Спасову образу не молится, / Владимиру Князю не кланяется» (Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Изд подгот А П Евгеньева и Б Н Путилов М, 1977 С 130), в балладе Пушкина «Жених» (1825), о разбойниках «Взошли толпой, не поклоняясь, / Икон не замечая, / За стол садятся, не молясь / И шапок не снимая»

к «сестрице», и бескорыстная любовь «брата» остается для нее принадлежностью сказочного мира.³¹

Достоевский показывает тот способ, которым хитрый старик удерживает при себе молодую красавицу. Катерина находится в очень тяжелом психическом состоянии. Во время первого свидания она говорит Ордынову: «У хозяина моего много книг; видишь какие! он говорит, что божественные. Он мне всё читает из них. Я потом тебе покажу; ты мне расскажешь после, что он мне в них всё читает?» (1, 277). Из этого следует, что Катерина, по-видимому, не просто неграмотна, но и утратила способность понимать читаемое ей. В повести постоянно упоминается о том, что Ордынов присматривается к ней, решая для себя сложную задачу: «Ордынов <...> с диким изумлением взглянул на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула в уме его» (1, 293). По-видимому, это предположение о сумасшествии Катерины, впервые посетившее его. Вслед за этой «безобразной мыслью» Ордынова, в обращении к нему Катерины, заметившей «болезненное сжатие его лица», звучит почти дословная евангельская цитата, связанная с эпизодом исцеления бесноватого, живущего «в гробах»: «что мне и тебе, Иисусе, Сыне Бога Вышняго; молюся ти, не мучи мене» (Лк. 8 : 28; см. также: Мф. 8 : 29; Мр. 5 : 7) — ср.: «Зачем, зачем об родной ты помянул? что тебе было мучить меня? Бог тебе, Бог тебе судья!..» (1, 293). По ходу развития дальнейших событий герой пытается бороться с мыслью о сумасшествии Катерины, но на ее смену приходит другая, еще более «безобразная»: «Какая-то безобразная мысль стала всё более и более мучить его. Всё сильнее и сильнее преследовала она его и с каждым днем воплощалась перед ним в вероятность, в действительность. Ему казалось, — и он наконец сам поверил во всё, — ему казалось, что невредим был рассудок Катерины <...> Но ему беспрерывно снилась глубокая, безвыходная тирания над бедным, беззащитным созданием; и сердце смущалось и трепетало бессильным негодованием в груди его» (1, 319).

Ордынов, человек совершенно другой культуры, сталкивается с невыносимыми в его среде суждениями женщины: «...меня испортил злой человек, — он, погубитель мой!» (1, 293). В русском народе было широко распространено представление о порче, наводимой колдуном на женщину, причем исцеление ей могло быть дано только им самим.³² Какое же исцеление предлагает Мурин Катерине? Ордынову она жалуется на него: «...другой раз берет свою книгу, самую большую, и читает надо мной. Он всё грозное, суровое такое читает!» (1, 293). Вероятнее всего, речь идет о специальных заклин-

---

³¹ См. *Источкин К. К.* Из жизни и творчества Достоевского в молодости С 39

³² См.: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700—1740 гг М, 2000 С 379—381

нательных молитвах на изгнание бесов, перемежающихся чтением Св Писания, которые известны в различных чинопоследованиях. Отчитывание должно было производиться священниками в церкви, но осуществлялось и знахарями, и начетчиками по разного рода требникам или же просто по Библии (в «Идиоте» (1867) Лебедев «стал отчитывать» Настасью Филипповну Апокалипсисом, см 8, 167) Катерина не была ни бесноватой, ни кликушей (одним из признаков бесоодержимости является так называемая «боязнь святостей», т е всего, что связано с церковным обиходом), поэтому чтение заклинательных молитв действует на ее психику разрушительным образом. Подобный эффект «отчитки» многократно описывался авторами, начиная с 1900-х гг. Можно смело сказать, что в России первым о негативной стороне экзорцизма написал именно Достоевский, правда при этом неясно, был ли у него какой-либо конкретный жизненный опыт (своего рода наблюдения) такого рода. Вполне возможно, что мысль о разрушительном воздействии молитв на изгнание бесов не имела у Достоевского жизненной конкретики и родилась в ходе его раздумий над замыслом «Хозяйки». В таком случае это было просто гениальное, с точки зрения психиатрии, прозрение.³³ Выражено оно на страницах «Хозяйки» неакцентированно, и поэтому до настоящего момента никто из исследователей не обращал на него внимания.

Откуда же опыт отчитки у Мурина? Рассказ Катерины о прошлом Мурина крайне сумбурен, и поэтому некоторую ясность он приобретает только после сообщения Ордынову сведений о нем частного пристава Ярослава Ильича.³⁴ «Говорят, что в болезненном припадке сумасшествия он посягнул на жизнь одного молодого купца, которого прежде чрезвычайно любил. Он был так поражен, когда очнулся после припадка, что готов был лишиться себя жизни так по крайней мере рассказывают. Не знаю наверно, что произошло за этим, но известно то, что он находился несколько лет под покаянием.» (1, 286) Что же означает последнее сообщение? Речь идет о ссылке в монастырь на покаяние как одном из видов исправительных наказаний в России, причем старообрядцев ему не подвергали. Судя по

---

³³ Художник М В Нестеров вспоминал об огромном интересе к «Хозяйке», проявленном в 1935 г выдающимся русским физиологом И П Павловым, который, познакомившись с ней, начал «с жаром обсуждать эту малоизвестную вещь Достоевского, подвергая анализу каждое действие лиц, в ней выявленных.» (Нестеров М В Давние дни. Встречи и воспоминания М, 1959 С 332) См также Нестеров М В Из писем Л, 1968 С 328

³⁴ В повести Достоевского о полицейской службе Ярослава Ильича говорится лишь намеками. Это было связано, вероятнее всего, с цензурными соображениями. В 1845 г министры добились права быть цензорами всего, что касалось деятельности их ведомств, поэтому цензура внимательно следила за отзывами о служебной деятельности чиновничества.

рассказу Ярослава Ильича, Мурин был отправлен туда, во-первых, за покушение на убийство, а во-вторых, за попытку самоубийства (за это также полагалась монастырская епитимья на несколько лет). Ордынов, по-видимому, отнес сообщение частного пристава к столкновению Мурина с молодым купцом Алешей из-за Катерины, о котором она ему рассказывала. Поскольку дело шло о церковном покаянии, Ордынов мог заключить, что Алеша, выброшенный Муриным из лодки, сумел доплыть до берега. Что же касается рассказа Катерины, то в нем усматривается самое превратное отражение этого эпизода, причем с отнесением к себе вины Мурина: она считала, что Алеша погиб из-за того, что она не остановила своего хозяина. Тот же полицейский сообщает Ордынову и еще одно известие о Мурине: «...за ним было некоторое время сильный присмотр» (1, 287). В повести это объясняется тем, что «мистик» Мурин занимается гаданиями, в том числе «по книге», привлекая к себе многочисленных посетителей и оказывая на них сильное воздействие.³⁵ Внимание полиции, конечно, было привлечено именно стечением посетителей, поскольку она обязана была следить за такого рода движениями «публики»

В разговоре с частным приставом Ордынов касается вопроса о том, кем приходится Мурину Катерина. Ярослав Ильич на это отвечает: «...с ним, кажется, дочь его. — Дочь? — Да-с, или, кажется, жена его; я знаю, что живет с ним какая-то женщина. Я видел мельком и внимания не обратил» (1, 287—288). Неясный, таинственный характер родственных отношений между героями произведения — это типичный элемент литературной готики, и Достоевский мастерски пользуется им. Читатель пребывает в недоумении об истинных отношениях Катерины и Мурина. Из рассказа Катерины Ордынову становится ясно, что ее мать была любовницей Мурина. Теряя любовника, умирающая женщина говорит дочери: «Уж я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мне теперь, ты мне змея подколотная! Ты детище мое проклятое!» (1, 296). В словах матери, несомненно, можно усмотреть намек на то, что Мурин является отцом Катерины; показательно, что в его семейном обиходе принято обращение «дочка», женой же он ее называет лишь в разговоре с полицейским чиновником. Сама Катерина, по-видимому, не считает Мурина отцом, и это позволяет видеть в словах матери иной смысл: проклятая беззаконница, т. е. дочь, преданная матерью власти потусторонних сил (сатане). Катерина кается и оплакивает свою связь с человеком, который был любовником матери, — вот подлинное основание инцеста, поскольку такой союз запрещен церковью. Катерина — это «первый женский

---

³⁵ Предположение о том, что под «присмотр» Мурин попал за принадлежность к какой-то секте, высказано в *Волгин И Л «Родиться в России»* С 335—337, см также *Истомина К К Из жизни и творчества Достоевского в молодости* С 34—37

тип Достоевского, соединяющий в себе „идеал Мадонны с идеалом Содомским“»³⁶

Мурин умеет гадать не только «по книге». В сцене, где Мурин сходитя с Ордыновым в последнем поединке, Катерина обращается к нему «Загадай, старина! Загадай мне, родимый мой, загадай прежде, чем ум пропьешь...» (1, 307). Речь идет о гадании по руке, но не о загадке, как утверждается в ряде работ.³⁷ Показательно, что в этом монологе героиня говорит о гадании и своем будущем как девица, но не как замужняя женщина (ответное гадание «колдуна» дано в том же ключе), что еще более усиливает неясность ее отношений с Муриным. Ответ Мурина Катерине дан в форме иносказания, которым он якобы отдает ее сопернику. «Знать, заглох у купца товар, залежался, даром с рук отдает! А не продал бы своей волей вольною его тот купец ниже своей цены, отлилась бы и вражья кровь, пролилась бы и кровь неповинная да в придачу положил бы тот покупатель свою погибшую душеньку!» (1, 309). В народнопоэтической речи «купец—товар» синонимично паре «жених—невеста». В «гадании» Мурина неожиданно появляется третий — это «покупщик», который хочет купить у «купца» «товар», т. е. его невесту. Своим гаданием Мурин провоцирует Ордынова на попытку убийства, предрекая гибель его «душеньке». Ордынов понимает, какая цена назначена «купцом», но надеется остаться живым: «Куплю ж я тебя, красота моя, у купца твоего...» — ср клятву Мурина, данную Катерине в момент ее похищения, в самом начале их совместной жизни, положить «конец», что важно, своей жизни, когда она захочет уйти от него на волю (1, 298—299).

Ордынов проиграл этот поединок старику Для Мурина Катерина — «слабое сердце», и он не скрывает этого от Ордынова: «Дай ему волюшку, слабому человеку, — сам ее свяжет, назад принесет» (1, 317). Мотив тяготы личной свободы предвещает будущие размышления Достоевского, вплоть до слов Великого инквизитора («Братья Карамазовы», кн. 5-я, гл. V): «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» (14, 231). Но самый страшный вывод Достоевского связан не с тиранией «слабого сердца». О том религиозном мире, в котором жила Катерина, Достоевский написал: « толковали перед ней вкривь и вкось правду, с умыслом поддерживали слепоту...» (1, 319). Мысль Достоевского заострена против

---

³⁶ Аврамец И А Повесть «Хозяйка» и последующее творчество Достоевского С 88 О теме инцеста в западноевропейской литературе в соотношении с повестью Достоевского см Реизов Б Г «Хозяйка» Ф М Достоевского (К проблеме жанра) // Русская литература 1976 № 1 С 144—148

³⁷ См, например Аврамец И А Мифологические мотивы в повести Ф М Достоевского «Хозяйка» // В честь 70-летия профессора Ю М Лотмана Тарту, 1992 С 149, Достоевский Сочинения, письма, документы Словарь-справочник СПб, 2008 С 186 (статья В П Владимирцева)

корыстно-сектантской религиозности или же, как считал А Л Бем, церковного официоза ³⁸ Ослепление человека религиозными вождями во имя господства над ним — одна из центральных идей образа Великого инквизитора ³⁹

---

³⁸ См Бем А Л Исследования Письма о литературе С 325

³⁹ См Розанов В В Легенда о великом инквизиторе Ф М Достоевского 3-е изд СПб, 1906 С 127, Долинин А С Зарождение главной идеи Великого инквизитора // Достоевский Однодневная газета Русского библиологического общества [Пгр], 1921 30 окт С 16—17 (перепечатано Долинин А С Достоевский и другие Статьи и исследования о русской классической литературе Л, 1988 С 99—100), Гроссман Л П Достоевский М, 1965 С 95—98, Аврамец И А Повесть «Хозяйка» и последующее творчество Достоевского С 81—89

Т Б ТРОФИМОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ПУШКИН

Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон»

Анализируя ранние произведения Достоевского, исследователи, как правило, больше внимания обращают на гоголевскую составляющую текстов писателя, чем на пушкинскую Обращение к Пушкину было важной и необходимой потребностью писателя на протяжении всей его жизни Еще Л П Гроссман определил его отношение к поэту как «благоговейный культ», да и сам Достоевский не переставал повторять, что у нас «все от Пушкина»

Наличие пушкинских реминисценций и параллелей в повести «Дядюшкин сон» уже отмечалось литературоведами Так, А С Альтман считал, что гротескно-сатирический образ «дядюшки» своеобразно варьирует черты характера графа Нулина В работах А И Кирпичникова, В Я Кирпотина и других исследователей рассматривалось сходство сцены бала из восьмой главы «Евгения Онегина» со сценой бала в эпилоге повести, а в образе Мозглякова отмечались карикатурно воспроизведенные черты «провинциального Онегина» Е Николаева подчеркнула связь «Пиковой дамы» и повести Достоевского, анализируя темы сиротства и тиранства ¹

---

¹ Кирпичников А И Очерки по истории новой русской литературы М, 1903 Т 1 С 365, Кирпотин В Я Ф М Достоевский Творческий путь (1821—1859) М, 1960 С 511—512, Альтман М С Этюды по Достоевскому Двойники «дядюшки» М, 1965 С 494—495, Одиноков В Г «Сибирская повесть» Ф М Достоевского «Дядюшкин сон» // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири Новосибирск, 1980 С 24, Захаров В Н Система жанров Достоевского